

Имя его Жемчужина

Category: Kitapcy, Zenan şahsyýetler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Имя его Жемчужина ИМЯ ЕГО ЖЕМЧУЖИНА

Уже устоялось общественное мнение, что Вячеслав Молотов “сдал” арестованную в конце 40-х жену, не защищал, не отстаивал, а, как прожженный карьерист, трусил. Так ли это? И всегда ли эффектный жест и самое естественное, простое решение оказываются самыми разумными?

• **Опасные связи**

Сподвижники вождя всех времен и народов собрались в Волынском – Сталин только что умер. Он еще лежал на кушетке, когда Молотов повернулся к Берии и сухо сказал: “Верни Полину”.

Ее привезли домой через несколько дней. Ходить она не могла, молчаливые и вежливые чекисты внесли Полину Семеновну на руках. Оказалось, уже месяц как она опять была в Москве, и весь февраль шли допросы. Готовился новый грандиозный процесс, к которому подверстывались и “дело врачей”, и дело Еврейского антифашистского комитета, в котором Полина Семеновна Молотова-Жемчужина была когда-то на первых ролях. На этот раз собирались сделать фигурантом на новом процессе и Молотова – для того Жемчужину и привезли в столицу из кустанайской ссылки.

Четыре года, как она была арестована. Пять лет, как развелась с Молотовым. Когда стало ясно, к чему идет дело, это предложила сама Полина Семеновна. Переселилась тогда к брату и сестре, тем навлекла на них гибель. Их тоже забрали, и живыми из тюрьмы они не вышли. Ради спасения мужа и дочери пожертвовала ими? Или надеялась, что их все же не тронут?

Свой развод с Молотовым она так объясняла: “Если это нужно для партии, значит, мы разойдемся”.

Удивляться, что Полину Семеновну взяли, не приходилось. Удивительно, что произошло это так поздно. Одного того, что у

нее в Америке жил богатый брат, а она с ним иногда переписывалась, хватило бы. Но была еще и сестра в Палестине. Да приятельствовала Полина Жемчужина с Надеждой Аллилуевой, которая делилась с нею своими семейными горестями. Накануне самоубийства Надежды, в последний вечер, была с ней. Жемчужину же первую позвала обслуга, увидев Аллилуеву мертвой. Этого тоже было достаточно, чтобы вождь убрал ее с глаз долой.

Тем более что была Полина Семеновна особой заметной. Начальница – руководила в разное время производством текстиля, парфюмерии, рыбным хозяйством в масштабах страны. Кандидат в члены ЦК. Знала все за всех и всех же учила жить: прислуге объясняла, как надо в доме порядок наводить и готовить, наркомовским женам – как одевать детей, чему и как их учить. У нее у самой все было на высшем уровне: дом в идеальном порядке, наряды лучшие в Москве, дочка, которую учили чему только мыслимо. И мало кто уже помнил, что у Полины Семеновны едва ли среднее образование было. Я спросила внука Полины Семеновны, известного ныне политолога Вячеслава Никонова, какой он помнит свою бабушку. Изысканной – был ответ. Дочь портного из села Пологи Александровского уезда Екатеринославской губернии, бывшая папиросница на табачной фабрике, кассирша из аптеки, подпольщица в годы Гражданской, добровольно ушедшая в Красную армию, – она сумела стать дамой. Молотов увидел ее на женском конгрессе в 1921 году. Его тогда только что избрали секретарем ЦК. Он, понятно, сидел в президиуме. А она, председатель женотдела из Запорожья, была в зале, где кроме нее еще сотни. Однако как-то он ее разглядел – в том же году они поженились. Жемчужина была среди начальственных жен, как бы ныне сказали, “звезда”, человек образцовой советской биографии. В ней сочетались западная выделанность и выхоленность с советской железной “идейностью” и оптимизмом – ее бы Любви Орловой играть. Даже ее партийная кличка (на самом деле ее звали Перл Карповская) – Полина Жемчужина – звучит как сценическое имя примадонны. А ведь это всего лишь производное от имени, перевод.

Вячеслав Михайлович ее не просто любил – уважал, восхищался, гордился. Она оказалась ему под стать – а он, напомним, был

вторым лицом в стране после Сталина: одиннадцать лет стоял во главе Совнаркома, с 39-го по 49-й и с 53-го по 56-й – министр иностранных дел.

Похоже, что в “еврейские дела” именно он Полину Семеновну и вовлек, поскольку, как министр иностранных дел (по поручению Сталина, разумеется), всячески лоббировал после войны создание Государства Израиль (которое вскоре не пожелало идти в фарватере политики СССР и тем обозлило Генералиссимуса). Полина Семеновна мужу с увлечением помогала. Например, устроила прием в честь первого посла Израиля в СССР Голды Меир, сказала ей, что чувствует себя дочерью своего народа.

• Молчание ягнят

Молотов, как считается, не оставил мемуаров (хотя в доме его трижды побывали вежливые и молчаливые люди из “органов” и уносили всякий раз все бумаги, включая поздравительные открытки. По этой же причине в семье почти не осталось фотографий молодой Полины Семеновны). Но у внука, у Вячеслава Никонова, сохранилось несколько страничек, которые их автор озаглавил так: “К летописи”. И больше всего там как раз про арест жены: “Передо мною встал вопрос – восстать против грубой несправедливости К., пойти на разрыв с ЦК, протестовать, защищая честь жены, или покориться – ради того, чтобы ...в дальнейшем продолжать борьбу ...за правильную политику партии, за устранение многих явных и многим не видных ошибок, неправильностей, главное – за такую линию партии, которая опасно, во вред интересам дела коммунизма искоренялась со стороны зазнавшегося К. и поддакивающих ему, прости господи, соратников”.

Сначала даже не понимаешь, кто этот К. Лишь на второй страничке расшифровка – “Ст”. Во всем мире Вячеслав Михайлович, видимо, один к этому времени звал Генералиссимуса Кобой. Как это было принято в их кругу в 1912 году, когда они познакомились. Именно Сталин, кстати, “продвинул” Вячеслава Михайловича в секретари ЦК в 1921 году – будущему вождю тогда нужны были свои, надежные люди на ответственных постах. И ни

разу с тех пор Молотов его не подвел. Там же, “К летописи”, Молотов говорит и о “влиянии зазнавшегося К., возомнившего о себе черт знает что”. Но это в записях для себя и для потомков – публично, как известно, Молотов к разоблачению культа Сталина отнесся более чем холодно. Не потрудился даже изобразить поддержку новой “линии партии”.

Он сознавал, что свидетелей героической юности вождю, пожалуй, больше не надо. Но, видимо, все же до конца не верил, что прошлое до такой степени не важно К. Молотов ходил к Сталину, просил за жену. Но – не давил, не настаивал. Через сорок лет публицисты скажут: сдал жену. Однако никто при этом не вспоминал, что там еще и дочка была. Может, инстинкт политика и опыт аппаратчика подсказали ему как раз единственно разумную линию поведения? Дернулся бы – ведь мгновенно убили бы и Полину, и дочку, и его самого. Ему ли было не знать правил страшной игры. И Жемчужина их знала. Так ведут себя звери, когда им угрожает более сильный противник: замирают, сливаются со средой, прикидываются сучком, листиком, снегом. Потом Полина Семеновна говорила внукам: “Я знала, что дед меня вытащит”. Младшая внучка Молотовых Любовь Алексеевна говорила, что внуки спрашивали бабушку, почему дед за нее не заступился. Полина Семеновна объяснила: “Он считал, что если бы поднял голос, меня уничтожили бы. Эти правительственные мужики все были заложники”. То же, в сущности, пишет и сам Молотов: “Что же касается лиц, окружавших К., они в той или иной степени сочувствовали или полусочувствовали мне, но в общем и целом ставили свои карьерные цели и интересы выше... Кое-кто не открыто – когда никто не слышит! – выражали мне, однако, некоторую моральную поддержку, или, лучше сказать, полуподдержку...” Например, на заседаниях Политбюро Берия, проходя мимо, шептал: “Полина жива!” Собирал на жену товарища “материал”, посадил – но он же утешал. Он же потом Полину Семеновну и выпустил без лишней волокиты. Впрочем, в записках Вячеслав Михайлович характеризует Лаврентия Павловича как “полубандита, чуждого ленинизму пройдоху”.

Что до ходатайств самого Вячеслава Михайловича перед К., на чем мог настаивать Молотов? Что опровергать? Ее уличали в том,

что не дала хода доносу на своего сотрудника, а просто вызвала его и отругала. Что присутствовала на службе в московской синагоге по погибшим во Второй мировой войне (она отрицала и была дружно уличаема). Что встречалась с артистом Михоэлсом и ходила на его спектакли. Все это было доказательством вины!

В ссылке она значилась как “объект 12”. Сексотки доносили по инстанциям: “говорила, не помню, на каком конгрессе, видела Ленина”, “говорила, что раньше жила очень хорошо, было много богатых платьев”. А “объект 12” в это время на кустанайском рынке пробовала у торговков сметану – вроде как собиралась купить, выбирала лучшую. Голодная была. Ее на рынке знали. Гнали.

В деле Жемчужиной есть страничка, написанная ее рукой: “Четыре года разлуки, четыре вечности пролетели над моей бедной, жуткой, страшной жизнью. Только мысль о тебе, о том, что тебе еще, может быть, нужны остатки моего истерзанного сердца и вся моя огромная любовь, заставляют меня жить”.

Адресат не указан.

• После шторма

Она опять поставила дом и выстроила домашних. Вставать после пыток месяца два не могла, лежала и распоряжалась: “Веча, почему ты не ешь чернослив?” Внучки учили языки, занимались музыкой исключительно под патронажем Полины Семеновны. После ссылки у нее тряслись руки, и она, чтобы это преодолеть, вышивала! Защищала яростно Сталина, ругала Хрущева. На внуке ее строгость иссякала. Если Вячеслав Михайлович старался “развивать” ребенка – тот в десять лет знал все столицы мира, всех премьеров и президентов, – то бабушку он мог просто попросить, чтобы побегала за ним со шваброй. Она играла в карты и домино – азартна была. Дед запомнился внуку, Вячеславу Никонову, как человек более, чем бабушка, мягкий. Если они с Полиной Семеновной и спорили, то никто этого не слышал. Лишь иногда, как вспоминает старшая их внучка Лариса Алексеевна, говорил: “Поленька, мы с тобой спорили, я был не прав”. Впереди была “антипартийная группа Молотова-Маленкова-

Кагановича”, лишение всех кремлевских благ, жизнь в Монголии, куда Молотова отправили послом. Но теперь их с Полиной Семеновной могла разлучить только смерть.

Весь последний год жизни она провела в ЦКБ. И каждый день Вячеслав Михайлович шел к электричке, ехал до Филей, потом метро – до “Молодежной”, проводил в больнице весь день. Смерть ее от рака была для него катастрофой, хотя Молотов пережил жену на 16 лет.

Бог хранил его еще от одного страшного удара: смерти единственной дочери ему пережить уже не пришлось. Как часто бывает у сильных, властных матерей, дочь выросла мягким, незащищенным человеком. И когда в годы перестройки кости ее родителям перемывали все, кому не лень, очень этим мучилась. И вот один публицист-лагерник написал, что в конце сороковых она, Светлана Молотова, якобы отреклась от матери. Через две недели после этого она умерла. От инфаркта.

Нам сегодня, наверное, невозможно понять этих людей – ни их поступков, ни их логики, ни их лексики: все эти “если партии надо”, “дело коммунизма”. Но как не понять любовь?

Татьяна БЛАЖНОВА,
«Карьера». Zenan şahsyýetler